

Следственное дело об архимандрите
Спасо-Яковлевского монастыря Павле
1769-1774 гг.

М.К. Павлович

26 февраля 1764 г. Ростовский Спасо-Яковлевский монастырь был отнесен к числу заштатных, однако по решению Комиссии церковных имений его вскоре перевели в число знатнейших и предоставили право иметь "братьи по 15 человек". 1 марта 1765 г. по указу Синода он был признан ставро-пигиальным, а 26 марта того же года определен во второй класс с соответствующим штатом, тогда же к нему был приписан упраздненный Спасопесоцкий монастырь. Назначение на должность настоятеля образованной таким образом Спасо-Яковлевской обители получил архимандрит Свято-Духова монастыря Новгородской епархии Павел, ставший ее первым архимандритом¹. С его правлением связан один любопытный эпизод, который стоит упомянуть. В январе 1766 г. Павлу приснился сон, будто кто-то пришел к нему в келью, сбросил с него одеяло и сказал: "Что ты спишь? Здесь воры". Испуганный архимандрит, проснувшись, приказал сделать осмотр в соборном храме, однако никого не нашли. Спустя две недели, когда стали запирать Зачатьевскую церковь после вечерней службы, архимандрит внезапно приказал открыть двери и осмотреть помещение, и тогда действительно был обнаружен вор - дворовый человек Григорий Прокофьев сын Ксенофонтов из Галицкого уезда. На допросе злоумышленник признался, что намеревался обокрасть храм вместе со своими сообщниками - раскольниками и находился в церкви "для покражи" ценной утвари и святых мощей. Этот эпизод был позднее описан гробовым иеромонахом Амфилохием и приведен в ряде книг об обители². Объектом же данного исследования стало другое событие, отображенное в двух многостраничных томах под названием "Следственное дело об архимандрите Спасо-Яковлевского монастыря Павле", хранящихся в фонде Московской Синодальной конторы в РГАДА³. Цель автора - познакомить с содержанием этих источников, рассказывающих немало интересного о монастырских нравах того времени.

В ноябре 1768 г. гробовым монахом Петром и другими членами братии - Адамом, Мельхисидеком, Василием и Евфимием - был написан и отправлен в Московскую Синодальную контору донос на архимандрита Павла. Этот документ состоял из семи пунктов, в первом из которых были сведения о его назначении в монастырь, в остальных же содержались обвинения в прегрешениях, явно не совместимых с управлением обителю и монашеским саном. В частности, там говорилось, что Павел подвержен "падучей болезни", приступы которой у него бывали прилюдно и даже во время

богослужений, замечен в пьянстве и осквернении святых мощей. Так, доносчиками указывалось, что 20 марта 1768 г. во время службы настоятель, будучи пьяни, взял имеющиеся в той церкви в ковчеге мощи и "урезал их на несколько частей, и давал генеральше Варваре Никитичне Бибковой" и прочим присутствующим. Обвинялся архимандрит и в том, что тратил монастырскую казну на свои личные нужды - на покупку лошадей, серебряной утвари и вина, "без согласия братии" отстранил от учета прихода и расхода денежных средств казначея Илиодора и назначил вместо него иеромонаха Израиля. Жаловались монахи на его "свирепство" и жестокие наказания плетьми без всякой причины, при этом приводились конкретные факты, например, об избиении иеромонаха Василия. В последнем пункте сообщалось, что Павел держит при своей келье женатого псаломщика Андреяна Иванова, к которому часто приходит супруга, оставаясь в покоях архимандрита по пять часов и более, в том числе и в ночное время⁴.

Без сомнения, сей донос не мог остаться без внимания, и по указу Синодальной конторы от 19.01.1769 г. была образована Следственная комиссия, в Ростов направили двух следователей - архимандрита Васильевского монастыря Сузdalской епархии Никодима и священника Покровского девичьего монастыря г. Суздаля Симеона Аврамова, и при них двух приказных служителей. Управление Спасо-Яковлевским монастырем было временно возложено на соборного иеромонаха Св. Троице-Сергиевой лавры Германа⁵.

По прибытии в монастырь следователи приступили к допросу обвинителей, свидетелей и обвиняемого, показания которых представлены в деле довольно полно. Так, вызванный в комиссию 13 февраля Павел признал спрашиваемым лишь первый пункт доноса - о дате его определения в обитель, но остальным же все отрицал - и падучую болезнь, и пьянство, и жестокость, и использование монастырских средств на свои нужды, и урезание и раздачу мощей. В этой связи 14 февраля было решено освидетельствовать указанные мощи, причем на некоторых из них действительно были обнаружены следы порезов⁶.

19 февраля Павел вновь появился в Следственной комиссии и попросил копию с доноса, дабы отвести от себя обвинения по всем пунктам. На следующий день к ведущим разбирательство архимандриту Никодиму и священнику Симеону поступило новое донесение от главного обвинителя иеромонаха Петра, что якобы 30 ноября 1767 г. Павлом ночью были взяты в свою келью все записки о приходе и расходе денежных сумм, и что эти документы находятся теперь у него. Вызванный следователями Павел все отрицал, заявляя, что указанных записок у него нет⁷.

Одновременно продолжались допросы братии. Вызывались иеромонах Илиодор, уволенный с должности казначея, и его преемник Израиль. Вскоре Павел представил обстоятельные ответы по всем пунктам доноса. Например, отрицая у себя "падучую болезнь", он указывал, что однажды

поскользнулся и упал "от ветра и бури". Не признавал он по-прежнему и раздачу мощей, призывая в свидетели генеральшу Бибикову, а в ответ на обвинение о растрате казны объявил, что на изготовление по его указу двух колоколов весом в 474 пуда 8 фунтов ушло 3169 рублей, а остальные покупки, в том числе и приобретение лошадей, были им совершены на собственные средства. Прежний казначей Илиодор был им отлучен с должности за пьянство и проступки, а наказанию монахи подвергались не безвинно, а за различные прегрешения. Отрицались и поздние визиты в его келью жены псаломщика. В качестве доказательства невиновности им были представлены в Следственную комиссию прошения гробового монаха Петра и монаха Мельхисидека, датированные декабрем 1768 г., в которых те признавались, что оклеветали его по злому умыслу, не имея фактов, и просили прощения. Эти документы также подшиты в деле⁸. Ознакомленные с ними Петр и Мельхисидек заявили, что "к тому доношению руки не имели". И действительно, неизбежно возникает вопрос: если эти немаловажные документы были написаны еще в декабре 1768 г., то отчего архимандрит не представил их ранее?! После этого случая с середины марта Павел отказался давать устные показания, ссылаясь на нездоровье, всячески затягивая следствие. В тот же период под его диктовку Иваном Теряевым было написано письмо к генеральше Бибиковой, в котором глава обители просил ее подтвердить его невиновность⁹.

В мае Павел обратился к следователям за разрешением представить письменные показания, так как он "за болезнью головы, так и всего корпуса" не может явиться в Следственную комиссию, просил он и копии с допросов своих недругов. Несмотря на то, что его ходатайство о предоставлении копий было удовлетворено, Павел все лето по-прежнему отказывался дать показания, невзирая на многочисленные приглашения следователей, считавших его болезнь лишь отговоркой и проявлением упрямства. Тем временем управлявший монастырем Герман собирал сведения о доносителях у остальной братии.. Так продолжалось до 9 сентября, когда комиссией было решено содержать архимандрита под караулом, никого к нему не допуская¹⁰. После столь суровых мер Павел направил в Московскую Синодальную контору жалобу на следователей, принуждавших его в болезни "словесно говорить против доносителей" и содержащих "как сущего злодея" под караулом, умолял защитить от "нападок и притеснения". Руководство конторы пошло ему навстречу, в Ростов был направлен указ о разрешении принять у Павла письменное оправдание и отменить его содержание под стражей. Так в октябре обвиняемый был освобожден и наконец-то представил письменные объяснения, по-прежнему отрицая все пункты поступившего на него доноса. После этого следователи стали готовить собранные ими документы к отправке в Москву, для скорейшего окончания дела.

Вероятно, архимандрит, будучи уже в преклонном возрасте, действительно страдал серьезными заболеваниями, возможно, что его силы подорвало

судебное разбирательство и содержание под стражей, однако достоверно известно лишь то, что 17 ноября 1769 г. он умер, унеся с собой в могилу свою тайну. По распоряжению Московской Синодальной конторы его похоронили по церковному чиноположению в монастыре, в соборной церкви с западной стороны, против правого окна¹². Следователями, управлявшим обителю Германом и монахами была составлена опись имущества покойного, куда вошли несколько книг, иконы, предметы церковной утвари, одежды, посуда и прочее. Были обнаружены и 5 писем, присланных ему Митрополитом Новгородским и Великолукским Дмитрием, из которых видно, что Павел давал деньги взаймы из средств Спасо-Яковлевского монастыря¹³.

Казалось бы, на том дело могло быть окончено. Однако вскоре началось новое следствие, причиной которого послужило донесение казначея Израиля, обвинявшего сына и зятя архимандрита в присвоении монастырского имущества. В частности, Израиль указывал, что сын Павла Петр Петров, служивший дьяконом приходской церкви села Выдропуска Новгородского уезда, и зять - священник Георгиевской церкви г. Торжка Егор Иванов, женатый на родной сестре архимандрита Ирине, навестив его во время болезни в июне, забрали из его кельи серебряные чайник, сахарницу и 6 чарок, приобретенных на монастырские деньги. В сентябре же, по его словам, имело место еще одно событие, по своей таинственности и необычности напоминающее скорее приключенческий роман, нежели смиренную жизнь святой обители. Так, находившиеся при архимандрите крестьяне Иван Макаров и Ларион Леонтьев по его указу собирали его рясу на лисьем меху, полукафтаны и прочее имущество, включая серебряный поднос и чайник "финифтяной", "завязав все оное в простыню", отнесли на сохранение помешику Ростовского уезда Василию Никитичу Ошанину до приезда Петра. Остальные ценные вещи Павла позднее ими были сложены в большой сундук, и однажды "в ночное время" этот сундук был спущен ими через окно, выходящее на дорогу к озеру, и передан Петру, увезшему его в Выдропуск. Воистину, странная ситуация, когда по приказу архимандрита его вещи передаются глухой ночью его же собственному сыну! По рапорту Израиля, Павел имел еще и "подголовок", где хранил свои деньги и наиболее дорогие предметы, в том числе золоченые серебряные табакерки, украшенные финифтью. Этот подголовок был отдан на сбережение "купецкому человеку" жителю Ростова Дмитрию Александрову также для передачи Петру. Обвинял казначей Петра, приехавшего на похороны отца, и в том, что тот якобы сказал, будто монашествующие растасчили все имущество покойного во время его болезни. Вот по этому доношению и было начато новое расследование¹⁴. В Ростовскую духовную консисторию срочно вызвали Петра, а по прибытии в Ростов в апреле 1771 г. с него взяли подписку с чевыезде. В своих ответах все тем же следователям Никодиму и Симеону Петр отрицал, будто обвинял монахов в хищении имущества, рассказал, что в июне серебряные предметы действительно были переданы ему отцом, чтобы сде-

лать из них ковчег и вложить в приходский храм села Выдропуска на помин его души. При этом присутствовал и зять Павла, и некоторые монахи. Указывал Петр и то, что помещик Ошанин передал ему в декабре всю одежду его родителя, однако историю о сундуке, вынесенном в окно, отверг, признавшись, что взял себе лишь 6 книг и вынес их не через окно и ночью, как вор, а через двери, и что подголовок с табакерками он не получал¹⁵. Для выяснения всех обстоятельств сей запутанной истории в Ростовскую духовную консисторию вызывались новые свидетели - зять Павла священник Егор Иванов, к слову, подтвердивший все показания Петра, а также мастер-серебряник Афанасий Дмитриев сын Шлепов, подрядившийся сделать из данного ему серебра указанный чеканный ковчег "самым искусственным мастерством", с изображением распятия, и выполнивший заказ в апреле 1770 г.¹⁶. Был разыскан даже возница, доставивший Петра в Выдропуск из Ростова¹⁷, объявивший, что дело происходило не ночью, а вечером, и что Петр действительно принес с собой какой-то сверток, но что в нем было, не знает. Таким образом, показания возницы не опровергали полностью ни одного, ни другого заявления. Наконец в июле 1771 г. Петр был отпущен домой, однако следствие продолжалось. В ноябре 1773 г. было решено допросить даже священников села Выдропуска, действительно ли означенный ковчег находится в их храме. Велись допросы и в начале 1774 г., когда монастырская братия уже успела забыть, имел ли покойный подголовок, или нет, заново были проверены и приходо-расходные книги за 1765-1773 гг.¹⁸

Продолжавшееся более пяти лет следствие по делу об архимандрите Павле было прекращено в начале 1774 г., практически не дав результатов. Сохранившиеся материалы не позволяют с уверенностью утверждать, был ли виновен Павел, или его просто оклеветали, не выяснена и судьба его имущества. Упоминаний об этом событии нет ни в "Исторической записке" об обители, ни в иных документах Ростовской консистории, хранящихся ныне в РФ ГАЯО. Возможно, информация о данном расследовании есть в материалах фонда Спасо-Яковлевского монастыря в РГАДА, однако из них не был сформирован отдельный документальный комплекс. Таким образом, рассмотренные нами два тома следственного дела представляют немалый интерес как источник, содержащий дополнительные сведения о первом архимандрите обители Павле, а также о нравах и быте монастыря последней трети XVIII столетия. Любопытны они и как пример расследования, производимого в ведомстве Синода.

*

¹ Описание Ростовского Спасо-Яковлевского Дмитриева монастыря и приписанного к нему Спасского, что на песках. СПб., 1849. С. 71.

² Там же. С. 61-63.

³ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1, 1769 г. Дд. 33 и 206.

⁴ Там же. Оп. 1, 1769 г. Д. 33. Тетрадь 2. Лл. 18-19.

⁵ См.: там же Д. 206. Лл. 1-2.

⁶ Там же. Л. 29.

⁷ Там же. Д. 33. Тетрадь 2. Лл. 60-65.

⁸ Там же. Лл. 74, 81-82, 93.

⁹ Там же. Лл. 98, 142.

¹⁰ Там же. Л. 283.

¹¹ См.: там же. Д. 206. Лл. 4, 11, 428-429; Д. 33. Тетрадь 2. Лл. 287, 291-334.

¹² Там же Д.33. Тетрадь 2. Л. 443; Описание Ростовского ... С. 82.

¹³ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1, 1769 г. Д. 206. Лл. 57, 49.

¹⁴ Там же. Д.33. Тетрадь 2. Лл. 2, 18.

¹⁵ Там же. Лл. 31-33.

¹⁶ Там же. Лл. 35 об., 38.

¹⁷ Там же. Лл. 174-175.

¹⁸ Там же. Лл. 89, 167, 185.